

От автора бестселлера "Атлант расправил плечи"

АЙН РЭНД

ГИМН

Повесть «Гимн» Айн Рэнд — социально-политическая антиутопия. Это критика тоталитарного общества, подавляющего творчество и человеческие чувства. В этом варварском обществе ни у кого нет личных имен: есть «мы», но нет «я», никто не вправе думать, созидать и выбирать свой жизненный путь. Главный герой открывает электричество и предлагает использовать силы природы во благо человечества. Но люди, привыкшие жить в первобытном страхе, не верят в силу разума. Герою предстоит построить свой мир, осознать себя индивидуальностью и научиться говорить «Я».

Айн РЭНД

Гимн

Предисловие

Айн Рэнд — литературный псевдоним Алисы Розенбаум (1905, Петербург — 1982, Нью-Йорк). Она родилась в семье аптекаря, училась в частной гимназии Стоюниной, в 1921 г. поступила в Петроградский университет на исторический факультет, который закончила в 1925 г., некоторое время работала экскурсоводом в Петропавловской крепости, написала статью об актрисе Поле Негри и брошюру о Голливуде. В начале 1926 г. эмигрировала в США, воспользовавшись приглашением знакомых из Чикаго. В США она вскоре вышла замуж за актера Фрэнка О'Коннора. Ее жизненный путь прошел попеременно через Голливуд и Нью-Йорк. Алиса Розенбаум зарабатывала на жизнь работой в сценарном отделе и в гардеробной. Ее творческий путь отмечен пьесой "В ночь на 16 января" (1933), которая некоторое время шла на Бродвее, далее последовал роман "Мы — живые" (1936). Небольшая повесть "Гимн" написана в 1937 г., но американских издателей не заинтересовала и была издана в 1838 г. в Англии. В отличие от других произведений эта повесть создавалась, как говорится, на одном дыхании. В США она вышла в свет вскоре после Второй мировой войны небольшим тиражом в издательстве с характерным названием "Памфлетчики". Некоторую известность Айн Рэнд принес роман "Источник" (1943), а следующий философско-фантастический роман "Атлант расправил плечи" (1957) сделал ее знаменитой. В дальнейшем вышло еще восемь книг — очерки на философские, социально-политические и экономические темы.

В постсоветской России изданы романы "Мы — живые" и "Источник", а также сборник публицистических статей и философских фрагментов из художественных произведений, в том числе и короткий заключительный отрывок из "Гимна", но целиком это произведение Айн Рэнд еще не публиковалось.

Повесть "Гимн" — первый опыт Айн Рэнд в жанре социально-политической фантазии, или антиутопии. По-видимому, сама писательница считала этот опыт достаточно удачным и позднее возвратилась к нему, создав тысячестраничный роман "Атлант", после выхода в свет которого в США стали популярными и ее ранние произведения.

Философская концепция Айн Рэнд, которую она позднее назвала объективизмом, изложена ею самой в послесловии к "Атланту" и часто цитируется: "Моя философия — это представление человека как существа героического, для которого моральная цель жизни — собственное счастье, самая благородная деятельность — творчество, а единственный абсолют — разум". Все эти составляющие: стремление к собственному счастью, творчество, разум, героическое начало человеческой природы — проявляются и в "Гимне", но в условиях тоталитарного общества, где люди лишены личных имен и права выбора деятельности, проявляются не как естественные качества в нормальных обстоятельствах, а в преодолении того, что правильнее именовать панурговым стадом, чем коллективизмом. Поэтому и обязательное для всех номеров "мы" вместо "я" уже не имеет (почти не имеет) значения, характерного для русских поэтов начала двадцатых годов, символа общей беды и перерождения. Например, у З. Гиппиус: "Мы стали псами подзаборными", у Ахматовой: "Думали: нищие мы, нету у нас ничего", у раннего Тихонова: "Мы разучились нищим подавать". Осталось только жесткое, диктаторское, повелевающее "мы" революционной идеологии. Примерно такое, как "Мы" Е.Замятина.

Повесть "Гимн" писалась, когда роман Замятина уже вышел из печати, но Айн Рэнд могла ознакомиться с его содержанием и в первой половине двадцатых. Во всяком случае она, независимо от Замятина, была хорошо знакома с советской действительностью тех лет. Но выводы из этой действительности оба литератора сделали прямо противоположные. Замятин все же поверил в силу и способность коммунистической утопии превратить Россию в нечто

технологически совершенное (поэтому индивидуалистический бунт его героя терпит поражение). Айн Рэнд посчитала, что Великое Воскресение приведет к великому и тотальному технологическому вырождению, к такой деградации, что забудется даже электричество (поэтому ее герой, овладевший тайной электричества, может не опасаться тоталитарного Совета). Чтобы утвердиться в возможности такого исхода, Алисе Розенбаум было совсем не обязательно читать "Россию во мгле" Герберта Уэллса — разруху "военного коммунизма" она пережила сама. (Собственно, российский коммунизм всегда был в той или иной степени военным.) А поскольку идеология коммунизма выводит себя, в смысле историко-социального адресата, из первобытного, варварски-дикого общества, Айн Рэнд оставалось лишь вернуть известный ей строй к его изначальным корням.

Современный российский кризис подтверждает частичную правоту Айн Рэнд. Командно-административная система способна добиться одностороннего и временного технологического рывка, за которым следует элегантно называемый застой, то есть отставание, а значит, и деградация. Российская цивилизация, стало быть, и в начале и в конце XX века находилась и находится на шаг-два от края пропасти, куда время от времени соскальзывает. (В конце 80-х — начале 90-х она под "мудрым" руководством "Совета" чуть было не рухнула туда, и в этой катастрофе могла вообще развалиться на куски.) Если бы Айн Рэнд дожила до нынешнего российского кризиса, то вряд ли бы сильно удивилась результату правления ее идеологических противников. Между тем возможность новой разрухи не миновала и сейчас.

В "Гимне" есть еще один план повествования, который может вызывать живую реакцию читателя. Учреждения и методы показанного в повести управления очень напоминают реальные советские. Стоит вспомнить, например, методы принудительного труда. В сталинский период без разрешения начальства нельзя было сменить место работы, затем последовала "борьба с тунеядством", а позднее — андроповская охота за людьми на улицах во время "рабочего дня". И никогда человек не имел возможности сам организовать свою деятельность.

Однако самая глубинная аналогия с российской современностью заключается в процессе отхода от стадно-мычащей психологии страха, пассивности и безволия, от духовного рабства, в осознании своей личной самооценности и права на самореализацию. От серокаменного "мы" к динамичному живому "я". Этот социально-психологический процесс прошли и проходят сотни тысяч, может быть, миллионы наших сограждан.

Другое дело, что оптимально-рациональный баланс между "мы" и "я" установить трудно. В размышлениях героя слово "мы" звучит "по личному выбору и обдуманно": ему тоже необходима социальная среда аналогичных ему индивидуумов. Ведь начать новую цивилизацию силами одной семьи невозможно. В современной российской действительности индивидуальное начало зачастую проявляется в дикой форме, ближе к условным рефлексам по Павлову, чем к разуму и творчеству. Но чего можно ожидать после коммунистического "мы", подавляюще-репрессивного и сводящего индивидуальное начало к функции головы стада, винтика, атома социума, еще и монополизирующего сознание.

Айн Рэнд писала "Гимн", когда индивидуальное начало в его рационально-творческом виде было и ценностью, и живой, работающей идеей, а стада "носорогов" только собирались его вытоптать, но угрозу писательница чувствовала и, вспоминая свой советско-коммунистический опыт, задумывалась над тем, как личностное самосознание придется восстанавливать от абсолютного нуля. Сейчас вызов времени для России как раз и заключается в необходимости восстановления индивидуалистически-творческого разумного начала. Социальную связь между одним и другим (одними и другими) "я" установить вполне возможно. В человеческой личности есть линии связи с внешним миром и с другими "я", и они немаловажны. Но сначала следует развить и укрепить само личностное начало, выпрямить его.

Писать такое — грех. Грех — думать слова, которые не думают другие, и записывать их на бумагу, которую не должны видеть другие. Это низко и порочно. Это все равно что разговаривать, чтобы никто не слышал. Мы хорошо знаем, что нет страшнее преступления, чем действовать или думать в одиночестве. Мы нарушили закон, потому что никому нельзя писать, если на то нет повеления Совета по Трудю. Да простят нам это!

Но это не единственный наш грех. Мы совершили даже более страшное преступление, преступление, которому нет названия. Какое наказание ожидает нас, если все откроется, — не знаем. О таком преступлении люди еще не слышали, и ни в одном законе не предусмотрено наказание за него.

Здесь темно. Пламя свечи не колеблется. В туннеле все замерло, и только наша рука перемещается по бумаге. Здесь, под землей, мы одни. Одни — какое страшное слово. В законе сказано, что никто не должен оставаться один, никогда. Это ужасное преступление — причина всех зол. Но это не первый закон, нарушенный нами. Здесь нет ничего, кроме нашего тела. Странно видеть только две ноги, вытянутые по земле, а на стене перед собой только одну тень. Вода тихо, тонкими струйками стекает по щелям в стене. Темная и блестящая, как кровь. На полу — свеча, украденная из кладовой Дома Подметальщиков. Если это обнаружится, нас приговорят к десяти годам заключения в Исправительном Дворце. Но это неважно. Важно, что свет бесценен и нельзя тратить его на записи, потому что он нужен нам для работы, которая и есть наше преступление. Ничто вокруг не имеет значения, кроме нашей работы, тайны, порока, нашей драгоценной работы. И все же мы должны писать — да помилует нас Совет! — мы хотим хоть раз поговорить только с собой и ни с кем больше.

Наше имя Равенство 7-2521. Так написано на нашем железном браслете, таком, какой все люди носят на левом запястье. Нам двадцать один год. Наш рост шесть футов. Это плохо, не так уж много людей шести футов ростом. Учителя и Начальники всегда выделяли нас и, хмурясь, говорили: "Равенство 7-2521, в твоих костях живет зло, ибо твое тело переросло тела твоих братьев". Но мы не в силах изменить ни нашего тела, ни наших костей.

Мы родились проклятыми. Это всегда порождало в нас запрещенные мысли и недозволенные желания. Мы знаем, что порочны, но в нас нет ни сил, ни воли противостоять этому.

Мы сознаем свою порочность и не сопротивляемся ей — и это источник нашего изумления и тайного страха.

Мы стараемся быть похожими на братьев — все люди должны быть похожими. На мраморных воротах Дворца Мирового Совета высечены слова, которые мы повторяем про себя всякий раз, когда нас одолевает искушение:

"Мы во всем, и все в нас. Нет людей, есть только великое Мы. Единственное, неделимое, вечное".

Мы повторяем эти слова снова и снова, но это не помогает. Эти слова высечены давно. Буквы и желтые прожилки в мраморе покрылись зеленой плесенью, возраст которой уже никто не способен определить. Эти слова — правда, потому что написаны они на Дворце Мира и Мирового Совета — символе нашей веры.

Так было всегда, со времен Великого Воскресения и даже до него. Так давно, что никто не может этого помнить. И мы никогда не должны говорить о том, что было до него, под страхом заключения в Исправительный Дворец. Только старики в Доме Беспольности шепчутся об этом по вечерам.

Они шепчутся о сотнях странных вещей: о башнях, поднимавшихся к небу, о вагонах, двигавшихся без лошадей, и свечах, горевших без пламени. Но те времена были порочны, и когда люди поняли Великую Истину, правду о том, что все люди — одно целое и нет желания, кроме общего желания всех людей, тем временам пришел конец.

Все люди достойны и мудры. Только мы, Равенство 7-2521, родились проклятыми и не похожими на братьев.

Так было всегда, и это шаг за шагом вело нас к нашему последнему тягчайшему преступлению, преступлению из преступлений, спрятанному здесь, под землей.

Мы помним Дом Детей, где вместе с другими детьми Города, родившимися в один год с нами, жили до пяти лет. В спальнях залах были белые чистые стены. Там ничего не было, кроме сотни кроватей.

Тогда мы были похожи на братьев во всем, кроме того, что дрались с ними. Мало преступлений хуже, чем драка с братьями, независимо от возраста и причины. Совет Дома объявил нам об этом, и из всех детей нашего возраста нас чаще всего запирали в подвал.

Когда нам исполнилось пять лет, нас перевели в Дом Учеников. Там было десять корпусов на десять лет обучения.

Люди должны учиться до пятнадцати лет. Затем идти работать.

Мы вставали с боем большого колокола на башне и ложились спать, когда он бил во второй раз. Перед сном нас собирали в большом зале, где, подняв правую руку, мы хором повторяли за учителями: "Мы — ничто. Человечество — все. По милости наших братьев даны нам наши жизни. Мы существуем благодаря нашим братьям и только для них. Ибо они и есть Государство. Аминь".

Затем мы ложились. Спальни были белые, чистые, там не было ничего, кроме сотни кроватей.

Мы, Равенство 7-2521, не были счастливы, живя в Доме Учеников. Но не потому, что нам трудно давалось обучение, а как раз потому, что оно было слишком легким. Большой грех — родиться с головой, которая слишком быстро соображает. "Плохо быть не такими, как братья, но быть выше их еще хуже" — так, сердито глядя на нас, поясняли Учителя. Итак, мы боролись против своего проклятия. Пытались забывать уроки, но всегда помнили их, пробовали не понимать того, чему учили Учителя, но всегда понимали еще до того, как они открывали рот.

Мы пытались подражать Союзу 5-3992. Они были бледный мальчик, у которых не хватало половины мозга. Мы пытались говорить и делать все так, как они, чтобы быть похожими на них, но каким-то образом Учителя всегда выводили нас на чистую воду. Нас пороли чаще других.

Учителя были справедливыми, ведь они назначались Советом, а Совет — голос справедливости, голос народа. И если иногда мы и жалели об этом в самом темном уголке сердца, о том, что произошло в день нашего пятнадцатилетия, мы знаем, что это случилось только по нашей вине. Мы не вняли словам Учителей: "Не смейте задумываться о том, какую работу хотели бы выполнять, когда выйдете из Дома Учеников. Вы будете работать там, куда вас направит Совет по Трудю. Совет по Трудю, в своей великой мудрости, знает, где вы нужны вашим братьям, лучше, чем можете это знать вы, имея всего лишь свой недостойный маленький умишко. А если вы не нужны братьям, то вам нет смысла обременять землю своим телом". Тем самым мы нарушили закон.

С детства нас учили этому, но проклятье поколебало нашу волю. Мы виновны в великом Преступлении Предпочтения. Мы предпочитали одну работу и одни уроки другим. Не слушая историю Советов, избранных со дня Великого Воскресения, мы обожали Науку о вещах. Мы хотели знать, знать обо всем, что составляло мир вокруг нас. Мы задавали столько вопросов, что учителя запретили нам это делать.

Мы думали, что в небе, под водой, в растущих растениях заключены тайны. Но Совет Ученых сказал, что никаких тайн не существует, а Совет Ученых знает все. Многого мы узнали от Учителей. Нас научили, что земля плоская и что солнце вращается вокруг нее, что это и является причиной смены дня и ночи. Мы учили названия ветров, которые дуют над океанами, надувая паруса наших великих кораблей. И узнали, как делать кровопускание, чтобы вылечить от любой болезни.

Мы любили Науку о вещах. И, просыпаясь среди ночи, когда вокруг не было братьев и только очертания их тел виднелись в темноте и слышался их храп, мы закрывали глаза, сжимали губы, задерживали дыхание, чтобы дрожь не выдавала нашим братьям нашу самую сокровенную мысль. Мы мечтали о том, что, когда придет время, нас пошлют в Дом Ученых. Все великие изобретения совершаются там. Например, не более ста лет назад там открыли, как делать свечи из воска и веревки, как делать стекло, которое вставляют в окна, чтобы защитит нас от дождя. Чтобы делать открытия, Ученые изучают землю, реки, пески, ветра, горы. И если бы только мы попали в Дом Ученых, то все это стало бы понятно и нам. Мы могли бы задавать столько вопросов, сколько захотели, потому что там не запрещается задавать вопросы.

[Скачать полный вариант книги](#)